

**К ВОПРОСУ О ЮРИСДИКЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО
УГОЛОВНОГО СУДА В ОТНОШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
АГРЕССИИ**

Кибальник А. Г.

д.ю.н., профессор

Академия права и национальной безопасности

ЧОУ ВО ЮУ (ИУБиП)

Аннотация: Термин «агрессия» давно стал инструментом межгосударственной политической борьбы, но ни одного случая реального уголовного преследования на международном уровне за это преступление после Второй мировой войны не было. В 2010 г. в Римский статут внесены поправки, определившие признаки агрессии как международного преступления, а также разъяснившие правила осуществления юрисдикции Международного уголовного суда, прежде всего в плане установления эффективной юрисдикции Международного уголовного суда.

Ключевые слова: Международное уголовное право; преступление агрессии; преступления против международного мира; Римский статут Международного уголовного суда; международная уголовная юстиция.

**ON THE JURISDICTION OF THE INTERNATIONAL CRIMINAL
COURT OVER THE CRIME OF AGGRESSION**

Kibalnik A.G.

Russia, Rostov-on-Don,

Academy of Law and National Security

Southern University (IMBL)

Abstract: The term "aggression" has long been an instrument of inter-State political struggle, but there has been no case of real prosecution at the international level for this crime since World War II. In 2010, the Rome Statute was amended to define the signs of aggression as an international crime, as well as to clarify the rules governing the exercise of the jurisdiction of the International Criminal Court, particularly with regard to establishing the effective jurisdiction of the International Criminal Court.

Keywords: International criminal law; The crime of aggression; Crimes against international peace; Rome Statute of the International Criminal Court; International criminal justice.

И в России, и на Западе все чаще звучат идеи о том, что имеющиеся международное уголовное право и международная уголовная юстиция не оправдывают возложенных на них надежд, о коллапсе всей системы международного права как мы его знаем, о необходимости построения новых основ международного права и т.д.

Общеизвестно, что сама возможность международного уголовного преследования за преступление агрессии возникнет, если оно совершено «не ранее чем через год после ратификации или принятия поправок не менее чем тридцатью государствами-участниками» (ч. 2 ст. 15-ter Римского статута). В нашем случае такая возможность появится, если акт агрессии совершен позднее 17 июля 2019 г.

Надо сказать, что в доктрине обсуждается вопрос о возможности распространения юрисдикции Международного уголовного суда в отношении дящихся актов агрессии (начальный момент которых во времени предшествовал возникновению у Международного уголовного суда возможности осуществлять юрисдикцию в отношении преступления агрессии, а конечный момент еще не наступил). Например, Р.А. Кантур говорит о допустимости такого варианта по ряду причин: 1) в момент «активации юрисдикции» Международного уголовного суда такое преступление «все еще совершается»; 2) факт отсутствия конечного момента дящегося преступления исключает возможность исчисления срока давности; 3) дящееся преступление агрессии «продолжает осуществляться» за «счет совершения продолжаемых преступлений», которые как бы «подпитывают» агрессию, «актуализируя ее противоправность и отдаляя наступление конечного момента деяния»¹. Полагаем, что эта точка зрения вряд ли может считаться приемлемой, поскольку в ст. 15-ter Римского статута говорится не о преступлении

агрессии, совершаемом «длящимся образом» через год после вступления в силу поправок, а о преступлении, совершение которого только начнется (может начаться) по истечении указанного срока. И все акты, предположительно представляющие собой проявления агрессии, совершенные и совершаемые до 17 июля 2019 г., не подпадают под юрисдикцию Международного уголовного суда в принципе.

Далее, в отношении преступления агрессии распространено общее правило комплементарности (что вызвало сомнение и даже несогласие у некоторых авторовⁱⁱ). Говоря иными словами, при обвинении в совершении акта агрессии сохранена возможность повторного рассмотрения дела в Международном уголовном суде при выполнении предписаний п. 3 ст. 20 Римского статута, т.е. в случае констатации перманентным органом международной уголовной юстиции неэффективности уголовного преследования за данное преступление на национальном уровне.

Но в рассматриваемой ситуации перечисленные обстоятельства не столь важны. Гораздо важнее вопрос о том, каким образом Международный уголовный суд реально (именно реально, а не в идеализированном варианте отдаленного будущего) сможет осуществлять юрисдикцию в отношении преступления агрессии после 17 июля 2019 г.

В соответствии с положениями ст. 15-bis и 15-ter Римского статута Международный уголовный суд будет способен это сделать в двух случаях: при передаче ситуации Советом Безопасности ООН либо при передаче ситуации государством *proprio motu* (по собственной инициативе).

Передача ситуации Советом Безопасности ООН. В этом случае, казалось бы, все понятно: Совет Безопасности ООН и Международный уголовный суд действуют в своеобразном тандеме. Сходная ситуация уже имела место: например, Совбезом ООН резолюцией 1593/2005 в Международный уголовный суд была передана ситуация в Дарфуре, где предположительно были совершены акты геноцида, преступления против человечности и военные преступления. При передаче ситуации Советом

Безопасности ООН совершенно неважно, согласилось ли «заинтересованное государство с юрисдикцией Суда в этом отношении» (п. 2 Понимания поправок). Говоря иначе, если имеется соответствующее решение Совета Безопасности ООН, оно (решение) подлежит принудительному исполнению вне зависимости от статуса участия в Римском статуте «заинтересованного государства» и признания им юрисдикции самого Международного уголовного суда.

Как всегда, имеется одно существенное но: а если таким «заинтересованным государством» окажется постоянный член самого Совбеза, обладающий правом вето? Не секрет, что львиная доля взаимных обвинений в совершении актов агрессии приходится на США и их союзников, а также на Россию. Полагаю, что в этом случае ни о какой передаче ситуации (даже о возможности такой передачи) речь идти попросту не будет в силу неизбежного наложения вето тем или иным постоянным членом Совета Безопасности. Утверждать обратное было бы наивно, учитывая сегодняшние реалии международных отношений и тот факт, что три из пяти государств – постоянных членом Совбеза в Международном уголовном суде не участвуют.

В силу сложившихся обстоятельств нельзя не согласиться с мыслью о том, что «главенствующая роль» Совета Безопасности ООН в определении юрисдикции Международного уголовного суда в отношении преступления агрессии «может вылиться в непомерные преимущества» пяти постоянных членом Совбеза и их союзников. Для наглядности приведу пример, ярко иллюстрирующий реальное отношение одного из постоянных членом Совбеза ООН – Соединенных Штатов Америки – к самому Международному уголовному суду и гипотетической возможности установления его юрисдикции в отношении американских граждан.

Когда в 2017 г. Прокурор Международного уголовного суда Ф. Бенсуда (F. Bensouda) попросила инициировать расследование по поводу предположительно совершенных в Афганистане преступлений против

человечности и военных преступлений, реакция Вашингтона была незамедлительной и чрезвычайно резкой. Сама возможность международного обвинения американских военнослужащих и сотрудников Центрального разведывательного управления в совершении этих предполагаемых преступлений была названа «несовместимой с идеалами» самих США.

По словам помощника американского президента по национальной безопасности Дж. Болтона (J. Bolton), «Соединенные Штаты будут использовать все необходимые средства, чтобы защитить наших граждан и наших союзников от несправедливого преследования со стороны этого нелегитимного суда» [20]. И далее: «Мы [США] не станем сотрудничать с Международным уголовным судом. Мы не станем оказывать Международному уголовному суду помощь. И, разумеется, мы не присоединимся к Международному уголовному суду. Мы позволим ему умереть самому по себе. В конечном счете – исходя из намерений и целей Международного уголовного суда – он для нас уже умер». Более того, Соединенные Штаты недавно перешли от «изоляционистского отрицания» Международного уголовного суда к прямому давлению на него, введя в марте 2019 г. политико-правовые санкции против его персонала, так или иначе связанного с расследованием предполагаемых военных преступлений, совершенных военнослужащими США и их союзниками в Афганистане. При этом политическое руководство США в лице государственного секретаря начало угрожать введением прямых санкций уже экономического характера в адрес постоянного органа международного уголовного правосудия, если тот «не сменит свой курс» в отношении подозреваемых лиц – граждан СШАⁱⁱⁱ. Можно со всей уверенностью полагать, что подобная ситуация сложится в случае угрозы международного уголовного преследования в отношении граждан других государств – постоянных членов Совета Безопасности ООН. Если, опять-таки, «смотреть правде в глаза», то Россия в обозримом будущем не признает Международный уголовный суд, пока под

его юрисдикцию теоретически могут подпасть наши сограждане в связи с вооруженным гражданским конфликтом на Украине, который западный мир усиленно пытается представить как агрессию со стороны нашей страны. Аналогично (правда, по несколько иным причинам) ведут себя по отношению к Международному уголовному суду такие ведущие государства мира, как Китайская Народная Республика и Индия.

Таким образом, «в земной реальности» международное уголовное преследование за преступление агрессии при передаче ситуации Советом Безопасности ООН возможно только в случае, если из круга «заинтересованных государств» будут исключены Великобритания, Китай, Россия, США, Франция и, соответственно, граждане перечисленных государств. Справедливо ли это в плане обеспечения интересов эффективно работающей международной уголовной юстиции? Нет, но такова суровая реальность.

Если обобщить сказанное, то сам собой напрашивается весьма печальный вывод: ни о каком эффективном международном уголовном преследовании в отношении преступления агрессии в настоящее время говорить не приходится.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Текст Римского статута, распространенного в качестве документа A/CONF.183/9 от 17 июля 1998 года с изменениями на основе протоколов от 10 ноября 1998 года, 12 июля 1999 года, 30 ноября 1999 года, 8 мая 2000 года, 17 января 2001 года и 16 января 2002 года. Статут вступил в силу 1 июля 2002 года. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf).
2. Kantur R. Aggression as a continuous offence in light of adoption of Resolution ICC-ASP/16/Res.5 by the Assembly of States Parties to the Rome Statute of the International Criminal Court. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii = International Law and International Organizations*, 2018, no. 2, pp. 32–41. (In Russian).
3. Хамидова М.Ф. Принцип комплементарности Международного уголовного суда — правильный подход в отношении преступления агрессии / М.Ф. Хамидова // *Евразийский юридический журнал*. — 2015. — № 8. — С. 36–37. 20. Taylor A. John Bolton hates the International Criminal Court. That might make other countries love it / A. Taylor // *The Washington Post*. — 2018. — 10 Sept.
4. Тимошков С.Г. Агрессия как международное преступление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / С.Г. Тимошков. — М., 2016. — 26 с.

5. Gourevitch Ph. What Is John Bolton's Bully-Pulpit Attack on the International Criminal Court Really About? / Ph. Gourevitch // *The New Yorker*. — 2018. — 11 Sept.
 6. Тимошков С.Г. Агрессия как международное преступление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / С.Г. Тимошков. — М., 2016. — 26 с.
 7. Lu Jianping. China's Attitude Towards the ICC / Lu Juanping, Wang Zhixiang // *Journal of International Criminal Justice*. — 2005. — Vol. 3, № 3. — P. 608–620.
 8. Ramanathan U. India and the ICC / U. Ramanathan // *International Criminal Justice*. — 2005. — Vol. 3, iss. 3. — P. 627– 634.
-